

Яковлев Н. Г.

Этот рассказ (скорее семейная хроника) написан мною от лица и со слов моего дяди Яковлева Михаила Максимовича по коротким записям, которые я сделал в середине октября 1989 года в деревне Гольчицы, Слуцкого района, Минской области. Деревня находится примерно в 15 км от Слуцка, где и живет сейчас мой дядя со своей женой Дусей.

Насколько мне известно, все мои предки испокон веков были землепашцами. Крестьянствовали и на орловщине в Алтайском Крае. В Алтайский Край приехали они из орловщины в поисках лучшей доли на сибирские просторы, на немереные бескрайни земли. А земли в Алтайском Крае в то время были богатые, бескрайние и плодородные. Точную дату переселения не помню, приблизительно в 1886 году. Род наш не бедствовал, мужчины трудолюбивы, и женщины им верной опорой были.

Дед мой, Яковлев Василий Михайлович, был расстрелян бело чехами в 1918 году. Видимо за независимый характер и нежелание подчиняться (Хорошо бы узнать подробности этой истории). Осталась его жена моя бабушка, женщина большого сердца и богатой души. Звали мы ее все в нашем многочисленном семействе мама Дуня.

А семейство наше многочисленное было. У моего отца три брат и сестра были. Старший, Петр, рождения 1897 года. Третий, мой дядя Яков, рождения 1902 года. Младший, мой дядя Коля, и самой младшей была в семье Евдокия.

Жили на хуторе Барчиха в 19 км от красивого алтайского села Троицкое. Там мой отец жил со своей женой Марфой, женщиной незаурядной веселой и певуньей. Солисткой в церковном хоре она лучшей была. Жила юная Марфа, рождение 1898 года. Родилось у них там семеро детей, четверо остались живы. Самый старший из них Егор, твой отец. Так он нам всегда старшим и был, старшим и остался. Был он всегда нам защитой и поддержкой. И с самого начала, и в годы тяжелые звали мы его всегда "Браткой", отдавая ему дань уважения. Братка, Братка... Родился он в 1916 году. Я родился в 1920 году и был в семье вторым ребенком. До меня родился еще мальчик Саша, в 1918 году, но умер маленьким мальчиком. Я не знаю причину его смерти. Может быть это как-то связано с гибеллю моего деда Василия?

На три года младше меня моя сестра Таня, родилась в 1923 году. Младший наш брат Дмитрий, родился в 1926 году. После него еще рождалась двойня, но оба мальчика мертвые родились, а может умерли. Отец мой горячий был, бывало и попадало моей матери. Помню, была у матери и такая поговорка: "Я всем бита, и об печь бита, только печью не бита". Вот так в семье нас семеро ребятишек родилось, а осталось четверо. (Жили на хуторе. Как жили? Почему переехали в село?)

В 1928 году переехали с хутора на окраину села Троицкое. Стал жить мой отец отдельно от своих братьев. Было свое хозяйство. Отец начал строиться, обзаводиться хозяйством. И надежным помощником был ему наш Братка.

Земли у нас было 6 га. Построили мы дом, примерно 6*7 м, два сарайа. Имели 3 лошади, 3 коровы, 2 кабана, 10 овечек. Имели какую никакую технику: сенокосилку, конные грабли. Одевались очень плохо. Отец, помню, говорил, что надо сначала корни пустить, а вершина сама вырастет. У меня, помнится, валенки разного цвета были. Все деньги, которые удавалось нам заработать, отец в хозяйство вкладывал. А Егор уже большой был и шапку красивую хотел иметь, и пиджак новый. Тайком от отца купила ему мать шапку и пиджак. Он в них гулять ходил, а домой идти - переодевался в старое у бабушки, отца боялся.

Я тоже, как мог, помогал общему делу. Мне поручалось боронить пашню конной бороной. Ух, и красота же на пашне! Аромат от земли идет - до сердца пробирает! А хорош в небе жаворонок! В небо взовьется, запоет, будто своей песней все пространство занял, а сам в небо вонзится и

не видно совсем. А каша в поле вкусная, так всегда хочется ее побольше схватить.

Дом наш стоял рядом с Троицком, последний домик в селе. Рядом с домиком пруд и речушка. На берегу речушки баня. Из бани в речушку прыгали.

В 1932 году приказ вышел, земли забрать. Лучшие земли в колхоз отдать. Нам дали брововых 5 га. До новой пашни 7 км. Брат пашет на трех конях, я бороню. В колхоз люди не шли. В колхоз вступали совсем голодранцы.

Мы жили за счет своего хозяйства. Все были в работе. Не голодали. Были в достатке.

Отец мой частенько мать бил. Как-то раз пришли мы из бани. Мать на стол собирала. Трезвый был отец, а мать бить начал. Мать Таню и Митю взяла и ушла к своему отцу. Мы с Егором остались. Приехал дед на коне, приехал председатель. Предупредили, что если будет бушевать, отправят в район. Потом мать с Митеем и Таней вернулись на подводе, и потекла жизнь мирная.

Случай пьянки у отца и раньше были. Выпьет мой отец, залезет пьяный под сени и бьет колотушкой снизу по полу. Из-за вот таких драк и скандалов и родились у моей матери два мертвых близнеца. Было это в где-то в 34-35 году.

А в это время Егор уже большой был. Однажды пришел отец домой пьяный. Начал бушевать. Рассвирепел Егор схватил и связал отца веревкой. Связанного под лавку положил. Опешил от этого отец, сильно на него это подействовало, и после этого он надолго присмирел.

А меня частенько ребятня обижала. Был я невысокого роста и не всегда за себя мог постоять. Частенько за меня Братка вступался. Переобувался он однажды, а за мной ребятишки гнались. Он в одном сапоге, другой в руке - быстро их разогнал.

1932 год. Урожай хороший. Отец нанял работника. Приехал этот работник из районного села, Уч-Пристанского района. Это был молодой хлопец лет 20 или около того. Мы за ним ничего плохого не замечали. Отработал получил расчет и уехал. А он оказывается своровал паспорт коня и с этим паспортом уехал. Не хватились сразу, что паспорта нет. А он потом у нас коня украл. Конь исчез, вот потом хватились, что паспорта нет. С этого случая отец попал в разряд нанимателей, эксплуататоров чужого труда.

1933 год. Начали колхоз организовывать. Видим мы как со стороны Уч-Пристани подводы едут, верховые рядом. Тревога! В колхоз загонять будут! Испугались схватили корову, забегали, повели эту корову огородами краем деревни в колхоз сдавать. Туда краем деревни около 1 км и от края до центра еще не близко. Не успели корову привести, потом разобрались. Это был вооруженный отряд восставших крестьян. Восстали крестьяне против Советской власти, против существующих порядков.

А Советская власть хлеб начала насилино забирать. У нас почти весь хлеб забрали. Отвезли 3 воза пшеницы. Потом еще и все вымели во второй раз. А в мае за то что наемную силу использовали снова все забрали.

Я в школу пошел. Учился плохо. Играли в бабки. Бабки у меня всегда в сумке лежали. Книжки под сарай прятал, а в сумку бабки прятал. Однажды я в школу опаздывал, в бабки играли. Отец в школу пришел, а меня в школе нет. Прихожу я после школы домой. Отец за столом сидит. Молча отодвинул тарелку: "Собирайся, иди куда хочешь". Строгий отец у

нас был, два раза приказ не повторял. Очень строгий отец. Одел я коричневый кожушок. Взял сумку. И вечером ушел из дома к деду с бабкой. Спрашивает дед: "Что отец побил?" - «Нет выгнали из дома». Залез на полати, проспал там. А утром опять домой и в школу.

В школу я ходил, но учился плохо. Карандаши и тетради постоянно терял. Плохо помнил уроки и задание на дом. Отец очень хорошо рисовал. Помню лошадь нарисует, как живая. А я рисовать не умел.

И вот при всей сложности, но все-таки съесты и относительном благополучии началась настоящая беда.

Подъезжают утром подводы с людьми и начинают они разрушать хату и грабить лабаз. Остались мы ни с чем. Рядом стоит наша хата, которую мы собственными руками и усердием построили, но нас в нее не пускают, и остаемся мы ночевать в бане. Какое-то время жили в бане, рядом со своим домом.

Через несколько дней подогнали две подводы погрузили на них весь наш оставшийся скрап. Новая рубашка была только у Егора. У нас у младших не было. Свезли всех в одно место. Набралось с тысячи подвод. Старших мужчин среди нас не было, их всех забрали, и содержали отдельно под стражей. Видимо боялись бунта, восстания. Мы ребятишки бегаем, играем. Нам днем хорошо. А спать ложимся - тревожно. Повезли нас подводами до железнодорожной станции, погрузили в вагоны и повезли. Проснулись как-то раз в вагоне и, вдруг, всем показалось, что везут нас обратно. Эту радость, ликование людей трудно описать. Я аналогичное ликование испытал еще лишь однажды с группой абитуриентов, которых зачислили в Томский топографический техникум, в 1937 году. Потом люди разобрались, что все это не так, и вернулись к своим земным заботам.

Во всей этой цепи событий было главное чувство - недоумение. Что все это значит? Почему им не дают работать? Кто же будет растить хлеб, скотину, детей? Чем они провинились? Кому они помешали? Это чувство сродни чувству не заслуженно обиженного ребенка. Который тем не менее ищет и все же находит свою вину. Находит вину, который совсем нет. Просто ему становится от этого легче, просто он видит, постигает какую-то логику событий без которой исчезает устойчивость окружающего мира, устойчивость его собственного существования.

Тем не менее трудностей при путешествии в вагонах мы дети больших не испытывали. Всегда был хлеб, сухари каши. Крестьянская сметливость, хозяйственность помогала нам всем не впасть в отчаяние.

Привезли нас в Томск. Погрузили на баржу. В Томске нас соединили с нашими мужчинами, старшими, и привезли нас сначала в Парабель. После Парабели повезли вверх по реке Парабель в Васюганские болота. После наших Алтайских степей, таежная темная речка нас не привечала. Было неуютно. Волны колотили об баржу. Упал как-то человек с баржи в воду, охрана не разрешила его спасать. Утонул он, унесло его течением. Мы плыли вверх по течению.

В село Парабель мы приехали весной. Помню все село было залито водой. Забыли мы тревогу дороги. Быстро соорудили удочки, стали ловить рыбу. В Парабели мы питались в основном рыбой. Муку и крупу нам давали в мешках. Село наше организовалось в отдельную колонию. У нас был староста. Каждому едоку давали по 3 кружки. Кормилец получал еще по две. Сооружали глиняные печи наполовину в Земле и выпекали в них

хлеб. Через сутки давали муку из расчета: кормилец - 500г, женщина - 400г, остальным - по 200г на человека.

Повезли нас из с. Парабель вверх по реке Парабель. На барже нас не кормили. Разводить огонь и варить не разрешали. Какой-либо серьезной охраны не было. Везли по реке Парабель. Река Парабель течет по глухим сибирским Васюганским болотам и начинается она от слияния 2-х таежных рек Чузик и Конго. Увезли вверх по Парабели более чем на 150км. Выгрузили в глухом безлюдном месте. Разрешили выбрать место для жилья вверх или вниз по реке не более чем на 50км. Походили мужики по лесу, посоветовались. Сухого места мало, земли мало, жить будет трудно. Решили сделать плоты и спуститься вниз по реке, обратно к с. Парабель.

Свалили лес, сделали из бревен плоты, погрузили на них весь скрап и продукты, сами пошли пешком, стали спускаться вниз нашли место. Место сухое, высокое, сосновый лес, березовый лес. Недалеко деревня Старица, в ней жили чалдоны. По речке до села 150км, напрямую по суше 100км.

На месте, где мы поселились, одиноко жил Макушин, чалдон. В честь его назвали нашу деревню. Так образовали мы новую деревню Макушино. Стали валить лес, делать какое никакое жилье, копать землянки. Делали печи для выпечки хлеба. Норма выдачи муки и крупы таковы (500,400,200), что начался голод. У нашего отца были жесткие правила: есть только доброкачественную пищу, есть что есть. Люди начали толочь в муку гнилушки, сеять их, добавлять в муку. Начали болеть животами и гибнуть.

Слухи о голоде в нашем селе Макушино дошли до Алтая, до нашей родины. Там осталась наша бабушка со своим младшим сыном Колей (братьем моего отца). Женщина эта с благородной душой и отзывчивым сердцем, узнав, что в Сибири ее односельчане голодают, организовала сбор сухарей среди немногих чудом оставшихся родственников. Мама дяди Коли, так ее все называли, набрала 50 мешков сухарей. Сама эта женщина низкого роста внешне не заметная, сумела организовать доставку этих сухарей в Сибирь за 1000 км от Алтая. Эти сухари доставили в Алейское, их сопровождали Мама дяди Коли и Коля. По железной дороги сухари привезли в Томск. Потом по реке. Колю в дороге арестовали, посадили к уголовникам. Над ним издевались и били, подвешивали на полотенце. Потом все-таки отпустили. Он вышел из-под ареста и обо всем этом рассказал.

До села Парабель довезли сухари на барже. В Парабеле купили лодку и вверх по течению, 150 км, тащили эту лодку цугом, на веревке. Женщина эта преодолела величайшие трудности. Она стала символом благородства и почитания. Все жители села Макушина встречали ее, когда она довезла сухари. Эта женщина выступала впереди, опираясь на палочку. Два дня все праздновали прибытие Мамы дяди Коли. Все получали дополнительный паек по 2 сухаря. Эти сухари многих просто спасли от смерти.

Умерла Мама дяди Коли в 1935 году.

Собрались мои дядя с отцом и решили купить лошадей. Жизнь идет и нужно заботиться о хлебе насущном. А крестьян и в глухой тайге тянет к земле. Петр, Максим, Яков купили 3-х лошадей. Дали им по 100 рублей аванса. Лошадь и стоила 100 рублей. Привели 3-х лошадей. Одну зарезали, на прокорм пустили. Стали в тайге участки расчищать и сеять

на этой земле. За лето пустили корни. Развели огороды. Посеяли лук, посадили картофель. Голодовка прекратилась. Особенно мне нравился суп гороховый. Был у нас дом на 2 семьи. Стали ловить рыбу. Жили трудно но не голодали.

Школу построили в Старице. Идти от Макушина до Старицы по дороге 4 км, а прямиком - 3 км. Отец с Егором плотничали. Строили дорогу на Парабель. По реке до села Парабель 150 км, по дороге 100 км. Егору так и не довелось учиться. Хотя способностей он был необыкновенных. На Алтае когда он начинал в школу ходить, учителя от него в восторге были. У меня в учебе перелом наступил. Я учиться стал. Да и Егор меня уговаривал: «Ты у нас в семье грамотный будешь». В школу я бегал, хотя одеть не всегда что было. Потом валенки достали. Пошел я сначала в 5-й класс. Но знаний было маловато, перевели в 4-й класс. Окончил я 4-й класс. А чтобы в 5-й поступить, экзамены нужно было сдать. Сдали экзамен я и еще 3 человека.

В нашем селе Макушино проживало около 50-и семей, и было оно в виде одной улицы длиной метров 700. Были проповедники. Меня библию читать заставляли. Я вслух 4-5 вечеров читал библию. Отец говорил: «Мишке пусть учится, Егор пусть работает».

Помнится многое. Например, как-то весной лошадь на реку пить пошла, провалилась под лед и утонула.

Организовали мужики артель, меня счетоводом взяли. Достал счеты. Считал сначала на счетах. Потом счеты были не нужны.

В 5, 6, 7 классах особенно хорошо учился по математике. Необыкновенные способности по математике были. Село Старица, люди там не бедно жили, но ребята учиться не хотели. Мне помнится штиблеты новые за 37 рублей купили. В школу ходить. Схожу в школу и на гвоздь повешу. В 5, 6 классах хлопцы меня поддерживали. Ходить из Макушина в школу далеко, жил я в Старице на квартире. Ребенок хозяина тоже в школу ходил. Учился он плохо. Отец его сходил в школу. А там его сына ругали, а меня в пример ставили. Пришел отец домой и сына отпустил, а меня из дома попросил, подыщи, говорит, другую квартиру. Стал я жить у одинокой бабке. Платил я этой бабке 11 рублей. Она меня на эти деньги и кормила.

В 1935 году отец с Егором дорогу Парабель - Новиково строили. Давали им на неделю 0,5 кг пшена, 500 г муки на день. Остальная пища рыба, ягода. Есть не густо было. Добывали мы кротов, драли осокорь, заготавливали лозу.

1936 год. Пришел как-то летом в деревню некто Курочкин. Пригласил мужиков за деревню на луг, в 3 км от деревни. Есть говорит сообщение важное. Давайте говорит списки составим, провоцировал на разговоры, мол не довольны порядком. Невдомек мужикам к чему он клонит, чем это они провинились перед Советской властью. Списки какие-либо составлять отказались, на провокационные разговоры не поддались. Разошлись по домам. Курочкин одному дал пуд муки. Вернулся этот мужик с пудом муки домой, а его дама уже ждут. Взяли этот пуд муки рассыпали, а там пистолет. Забрали этого мужика в комендатуру. Достали из него списки всех, кто на этот луг по просьбе Курочкина ходил. Стали по этому списку всех мужиков по очереди в комендатуру таскать. Через некоторое время взяли отца.

Два дня мучили его. Есть давали только селедку и хлеб. Пить не давали. Баню натопили, связали и в жаркой бане парили. Заставили моего отца подписать бумагу, что был на совещании по организации восстания.

Подписал он эту бумагу. А кто его знает может это Советской власти для усиления международного авторитету надо. Отпустили его обратно домой. Вот он это все и рассказал.

В 1936 году отец завербовался на Шпалозавод. Стоит этот рабочий поселок на берегу реки Обь, там где Кеть в Обь впадает Кеть воды много несет, Обь эту воду сразу принять не может, течет часть этой воды по Нарымской протоке, а часть обской воды в Старицу уходит. А пос. Шпалозавод на острове оказывается в 4км от Нарыма, который на берегу Нарымской протоки стоит. Стал отец на Шпалозаводе работать плотником. Пишет в Макушино чтоб приезжали. А как к отцу приехать, непускают. Между Новиковым и Макушиным сторожевой пост стоит. Не пускают людей из тайги. Я к тому времени в 7-м классе учился, уже пол класса прошел. Было у нас с Таней 3 рубля денег и булка хлеба. За 3 рубля посадили нас в кошевку и поехали мы с ней попутной лошадью в Парабель. Сторожевой пост по тайге обошли и дальше поехали. От Парабеля до Нарыма вниз по Оби еще 30 км. Приехали на Шпалозавод. Жили в бараке на топчанах. Вместе с нами сосланные татары из Крыма. К этому времени в Макушино мало мужиков осталось. Кто в Парабель уехал, кто в Старицу перебрался, в колхоз вступил.

Стали мы на Шпалозаводе жить. Хлеб без нормы стал. В школу начал ходить. Учителем был Трубицын Михаил Николаевич. Калинин Михаил Михайлович - по математике, по физике. Поступил я в 6 класс. Свое место в школе, в классе, занял. Построили в это время в поселке 2-х этажный дом, нам там квартиру дали. В 1937 году 7 классов закончил. Купили мне пальто за 5 рублей, дали денег 50 рублей, и поехал я в Томск учиться, в Топографический техникум решил поступить. Приехал в Томск, поселили в общежитие. Показали нашу специальность, романтика, утки, грибы, тайга.

Стал сдавать экзамены. Моим соседом был Борисенко. Я ему на экзаменах задачи по математике решил, он мне ошибки в диктанте исправил. Потом Борисенко учился хорошо. Когда зачислили нас студентами радости было: плясали, кричали. Я испытал сильное потрясение.

Отца моего забрали на Шпалозаводе 14 августа 1937 года. Я об этом ничего не знал. Прошел в 1938 году в самом его начале слух, что тех ребят, чьи родители арестованы, исключать будут. Списки были составлены. Директор техникума Постников Михаил Васильевич вычеркнул меня из списка. Вызвал меня и сказал: "Твой отец дома, понял? И ты ничего не знаешь." Я ответил, что понял. Остался я в техникуме. Об отце никаких сведений, никаких весточек от него. Как будто работал в Норильске, может быть расстрелян в Колпашево.

Отец твой Егор ездил на лесозаготовки. Работа эта очень тяжелая. Когда я приезжал домой на каникулы он очень мной гордился. Меня как грамотного пригласили участвовать в проведении ревизии, это по его инициативе. Танцор твой отец был необыкновенный. Чувство ритма у него врожденное было. Если в клубе он начинал плясать все кругом останавливались, смотрели на него. Был он очень сильно впечатлительным. Особенно сильно переживал выйдет за него Нюра или нет. Любил ее до безумия. Выйдет на крыльце и думает, думает. Мать твоя в конце концов согласилась. Твоя мать очень много сделала для нашей матери Марфы. Егор хотел заработать много денег чтобы семья жила не

бедно. После 37 года, как нашего отца забрали, старшим в семье остался Егор.

А однажды Егор на родину сбежал, еще отец с семьей был, съездил в Алтайский край. Вернулся так плакал. Там полная разруха, люди с голоду умирали, людей считали как за скот. Потом успокоился, ничего хорошо будет. Мы заготавливали грибы, ягоды кедровые орехи. Егор с отцом бочки делали, продавали. А зарплата у Егора, когда он работал в леспромхозе, 63 рубля в месяц была.

Учился я в техникуме. А мать писала мне что живут они без отца плохо, голодают. Просила бросить учиться и ехать домой. Бросил я техникум, перешел на 10-месячные курсы учителей и по распределению направили меня в Горную Шорию, учителем 6-7 классов по физике и математике. Был это сентябрь 1940 года. Одет я был очень бедно, и учителем я никак не выглядел. Помню, в первый день повесил я свой, так называемый, пиджак на вешалку, а мой коллега стал спрашивать, кто это такую рвань сюда принес. Рвался я на работу, чтобы скорее семье помочь. Проработал я учителем недолго, получил одну зарплату, забрали меня в армию.

С осени 1940 года я оказался в армии. Сначала Кузнецк, потом военный лагерь в Горной Шории, в Таштаголе. Стали меня готовить на командира танка в полковой школе. Попал я в Белоруссию, на полигон в качестве водителя танка. Два раза удалось мне выстрелить из орудия танка, никуда не попал. Из винтовки не стрелял ни разу. Учился в Красном Училище в 6 км от Минска. Сейчас эта территория в черте города. До окончания училища осталось совсем немного как началась война. Сразу была бомбёжка Минска. Отправили нас пешком в Могилев. Обещали приехать танки, но танков нет и нет. Идем маршем, прошли деревню. В деревне оказывается уже немцы были. Было раннее утро и немцы спали. Проснулись когда мы из деревни выходили. Очнулись и по задней машине ударили. Мы толком ответить не могли. В то время к нам из леса кто-то побежал. Мы в них начали стрелять, не попали. Оказалось, что это наши. Сообща с прибежавшими начали стрелять по немцам. Разбили мы этих немцев, после боя насчитали 75 убитых, часть в плен взяли, 6 немцев к нам перебежали.

Получили приказ отступать на Могилев. Начали отступать. Ввязались снова в бой. Мы прикрывали отступление. В конце концов стали охранять железнодорожные пути в Могилеве. Потом стали отступать еще дальше. При отступлении небольшой группой сели в лесу перекусить. Откуда не возьмись немцы на велосипедах, окружили нас, взяли в плен. Так я попал в плен первый раз. Через несколько дней после начала войны, не изведав всех ее тягот и испытаний, я оказался в плену.

Собрали нас в бараке. Пока вели мне удалось развить "коммерцию", достать гражданскую одежду и переодеться. В барак пришла комиссия, началась проверка. Я представился штатским, попавшим сюда по ошибке, и меня отпустили. Так я начал путешествовать.

Бродил я по лесам по деревням, избегая встреч с немцами. Встретил себе сотоварища, начали путешествовать вдвоем. Нас схватили и в лагерь. Повели в барак. Завели нас в барак. Потом всех начали выводить из барака на построение. Дождался я удобного момента поднял половицы и забрался под пол. Под полом лежал сутки, тихо, тихо - как мышка. Хотел выбраться и убежать, а тут привели вторую партию: снова я в плену под

охраной. Вылез из-под пола влился во вторую партию. Понял, что бежать все равно надо.

Из второй партии сформировали бригаду из плотников, человек 140, для строительства моста. Плотником назвался на вопрос: "Есть ли среди вас столяры и плотники?" Походил я на строительство, приглядевшись к существующим порядкам. Принял план побега. План был прост. Людей, которые начинали болеть, из команды плотников вычеркивали и вносили в списки больных. Списки эти существовали независимо и я решил этим воспользоваться. Притворился больным, меня вычеркнули из списка строителей и внесли в списки больных. Потом говорю: "Что-то живот прошел, пойду обратно в бригаду". Пристроился я в хвосте бригады, потом выбрал момент - убежал. В списках больных и в списках бригады меня не оказалось, схватятся не сразу. Так я убежал 2-й раз.

Бежал около 10 км. Это был уже ноябрь 1941. Подбежал к деревни Рогачево. Край деревни. Встретился мужик с вязанкой дров. Попросился я к нему. Привел меня домой, помыли меня, накормили. Потом говорят - уходи. Накормили меня хорошо, одежду хорошую дали, а вот оставить у себя хозяин не мог. Надеюсь, говорит, партизан встретишь.

Начал я скитаться по Белоруссии. Встречал 100-и людей доброжелательных, женщины кормили хлебом, старики уговаривали махоркой. Кормили и борщом с мясом, последний кусок от семьи отрывали.

Мое путешествие было небезопасным. Так поймали в деревне 7 человек и всех расстреляли. Мне всегда показывали самый безопасный, самый короткий путь. А пойманых людей расстреливали десятками. Партизанские отряды в то время были слабые и слабо вооружены. Они были мало активны и о них мало знали. Кроме того наступающая зима обнаруживала своим белым покрывалом эти отряды.

Глубокой осенью занесло меня в Брагинский район в деревню Новый Мокрец. Пристроился я к Сысоеву Виктору Ивановичу работать плотником. Предупредили меня, что заберут меня скоро и расстреляют. Я снова побежал от села к селу.

Ураган и снег. Вижу огонек. Приблизился к поселку Дуброво. Сильно промокший, озябший подошел к крайней хате, постучался. В хате Анюта хозяйничала: -Окруженец, солдат, раздевайся и на печь. Готовит Анюта еду, кормит. Всю зиму 1941-1942 года прожил я у нее потом у другой. Все время отправка в Германию существовала. А семейных не отправляли. Женился я, и по сей день живу со своей женой Дусей. А 4 января 1943 года родилась у нас дочь Надя.

В сентябре 1943 года немцы, отступая, всех мужчин забирали. Я попал в бригаду ТОД (теория ремонта объектов во время войны). Бригада нас человек 40. Двигались мы по маршруту: Крывна, Хойники, Лунин (Лунинский р-н). В бригаде 3 учителя из Могилева, 3 учителя истории, директор школы. Это все лидеры. Вокруг каждого команда из нескольких человек. Жили в бараке, нары в 2 этажа. С нами начали обращаться получше. Кормили неплохо. Давали шнапс. Я немного языка стал понимать, начал разговаривать на немецком. Из этой группы 3-е решили бежать. Вокруг них собралась группа в 13 человек. Все решили бежать.

Разработали план. Связались с партизанским отрядом. В это время новосибирец, выпив самогонки, решил раздобыть пистолет, его схватили. Мы поняли, что он нас может выдать и решили, не дожидаясь связного из отряда, бежать. За нами прицепилась собачонка, мы ее поймали и съели. Одеяла променяли на самогон. В болоте на острове встретили литовцев.

Они добирались в Литву. Разошлись с миром. Один из нашей команды вернулся. Позже мы узнали, получил он 25 шомполов и отправили его в лагерь военнопленных.

Идем мы дальше. Пришли в деревню. Навстречу дед едет на розвальнях: "Немцы корову увезли". Мы пошли по следу коровы и пришли в партизанский отряд Бригады им. Кирова за Родину. Партизаны для маскировки переоделись в немецкую форму и забрали корову.

Стал я бойцом партизанского отряда. Наша бригада стала в дальнейшем частью регулярной армии. С 1945 по 1946 год служил в Берлине командиром хозвзвода. В моем подчинение был транспорт и многое другое. В 1946 г вернулся домой в Белоруссию.

Москва, май, 1990 год. Яковлев Н. Е.